

О. С. Ковалевич, Е. Н. Лисанюк

ПРИНЦИПЫ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ДЕЙСТВИЙ А. С. ЕСЕНИНА-ВОЛЬПИНА*

Аннотация: В статье рассматриваются идеи построения деонтической логики, выдвинутые в 60–70-х годах XX в. известным российским логиком, математиком и советским диссидентом А. С. Есениным-Вольпиным (род. 1924). Обосновывается положение о том, что хотя эти идеи не порождают деонтических формализмов, они указывают на близость деонтических исследований А. С. Есенина-Вольпина теоретико-множественному подходу в логике норм, выдвинутому К. Альчурроном и Е. Булыгиным, а также индетерминистскому подходу в деонтической логике, развиваемому Дж. Хорти на основе stit-графов. В статье указывается, что первые публикации в СССР по деонтической логике принадлежали двум различным тенденциям ее развития: объект-ориентированной и детерминистской перспективе, получившей развитие в работах А. А. Зиновьева и А. А. Ивина, и агент-ориентированной и индетерминистской, выдвинутой А. С. Есениным-Вольпиным. Обосновывается положение о том, что философские принципы деонтической «протологики» А. С. Есенина-Вольпина нашли воплощение в его правозащитной деятельности, ключевая направленность которой была идейно противоположна тенденциям правозащитной деятельности А. А. Зиновьева, также связанной с его позицией в области деонтической логики.

Ключевые слова: деонтическая логика, логика норм, предписание, stit-структура, агент, правило, диссидентское движение в СССР.

O. Kovalevich, E. Lisanyuk

THE PRINCIPLES OF A. ESSENIN-VOLPIN'S LOGIC AS FOUNDED ON THE LOGIC OF ACTION

Resume: In the paper, the ideas of constructing a philosophical conception of deontic logic advanced in 60–70-ies. of the XX century by the famous Russian logician, mathematician and dissident A. S. Esenin-Volpin (b. 1924). We argue that despite the fact that he did not suggest any sound deontic formalism, his consideration show a conceptual proximity to two influential perspectives in the contemporary deontic logic: C. Alchurron — E. Bulygin's set-theoretic approach to the logic of norms and the indeterministic

---

Ковалевич Ольга Сергеевна — студентка Санкт-Петербургского государственного университета.
Kovalevich Olga — graduate student, St Petersburg State University.

Лисанюк Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Lisanyuk Elena — candidate of philosophy (PhD), docent, Department of logic, St Petersburg State University.

* Исследование проводится в рамках проекта РГНФ №12-03-00196.

approach to deontic logic of action stit-graphs developed by J. Horty. We demonstrate that the first steps in deontic logic in the USSR have been made in two different directions. The first of them is the object-oriented and determinist perspective launched by another famous Russian logician and also a soviet dissident A. A. Zinovyev and later developed into a series of the full-fledged formal systems of deontic logic by his follower A. A. Ivin. The second is the 'protologic' proposed by A. S. Esenin-Volpin which belongs to the perspective of agent-oriented and indeterministic conceptions in the deontic logic. We show that to a certain extent these two different conceptions in developing the deontic logic as advanced by the two first logicians and then human rights activists are connected to their opposite views of the basic principles of the human rights activities.

Keywords: deontic logic, logic of norms, prescription, stit-structure, agent, rules stit-структура, dissident movement in the USSR.

В 2014 г. отмечает 90-летие А. С. Есенин-Вольпин — видный российский математик, логик, философ, поэт, известный советский диссидент и правозащитник.

1. Идеи деонтической логики А. С. Есенина-Вольпина и их роль в его правозащитной деятельности

А. С. Есенин-Вольпин — сын известного русского поэта Сергея Есенина и поэтессы и переводчицы Надежды Вольпин. В 1946 г. А. С. Есенин-Вольпин закончил с отличием механико-математический факультет МГУ, а в 1949 г. — аспирантуру НИИ математики при МГУ, защитив кандидатскую диссертацию по математической логике. С юношеских лет начал писать стихи, пользовавшиеся популярностью среди друзей. А. С. Есенин-Вольпин придерживался скептических взглядов по отношению к советской власти и никогда не скрывал этого. Его критическое отношение к советскому строю отразилось не только в общей жизненной позиции, то также и в литературном творчестве и публицистике, поэтому, едва приступив к работе после защиты диссертации, уже в 1949 г. он был направлен на принудительное психиатрическое лечение, после которого в 1950 г. выслан на пять лет на поселение в Карагандинскую область. В дальнейшем А. С. Есенин-Вольпин как «социально опасный элемент» провел в заключении, ссылках и на принудительном лечении в общей сложности около 15 лет.

В математике и философии А. С. Есенин-Вольпин — сторонник позиции крайнего скептицизма, негативно относится к вере в роли основания убеждений, будь то в науке, повседневной жизни или религии, отвергает существование каких-либо трансцендентных сущностей (Бога, бесконечности и т. д.) за пределами разума и рациональных процедур доказательства, в которых видит единственно возможный фундамент всякого знания. Отрицание всех принимаемых на веру абстрактных понятий вело к осознанию необходимости строгого соблюдения формально-логических законов, и эта позиция нашла отражение в двух направлениях деятельности А. С. Есенина-Вольпина, существенных в контексте данной статьи. Первое направление — это правозащитная деятельность, второе — исследования в области деонтической логики как логической теории нравственности.

В русле первого направления в начале 60-х годов А. С. Есенин-Вольпин выступил с идеей правозащитной деятельности, краеугольным камнем которой считал борьбу за соблюдение государством советских законов. Требование уважать советское законодательство, обращенное ко всем без исключения субъектам прав в СССР, и к госчиновникам — в особенности, он выдвинул первым из советских правозащитников и практически на всем протяжении своей правозащитной деятельности оставался единственным сторонником идеи о том, что соблюдение норм советского права является важнейшим шагом в построении правового государства в СССР. В действующих нормах права он видел конституирующие социальную реальность отношения определенного порядка между субъектами права. Эти отношения, по мысли А. С. Есенина-Вольпина, могут быть двух- и более сторонними, в зависимости от особенностей конкретных правовых норм. Ключевая роль норм права состоит в том, чтобы быть особым рода правилами поведения мотивированных рациональных агентов, к которым он относил как индивидов — граждан, так и институты общества — в лице уполномоченных чиновников. А. С. Есенин-Вольпин не сомневался, что советский нормативный порядок — это законодательное закрепление руководящей роли Коммунистической партии и чиновничьего аппарата, порождаемого ею. Вместе с тем в самом факте наличия некоего нормативного порядка, пусть во многом и несовершенного и часто несправедливого, он видел не просто совокупность норм права, предписывающих советскому гражданину определенное поведение, но одновременно и ограничивающих притязания государства в области прав граждан.

Идея А. С. Есенина-Вольпина о том, что право не сводится к набору правил, но есть выражение определенных отношений между субъектами права, коренящихся в разумной природе людей, лежит также и в основании второго, теоретического, направления его деятельности, нацеленного на создание логической теории нравственности. А. С. Есенин-Вольпин считал, что субъектом многих норм советского права выступает не только гражданин, чье поведение они предназначены регулировать, но и государство в лице своих институтов. Он полагал, что норм советского права достаточно не только для того, чтобы граждане могли отстаивать свои основные права и свободы, но также и для того, чтобы на законных основаниях они могли противостоять противоправным ущемлениям гражданских свобод и репрессиям и политически мотивированным преследованиям, причину которых он видел в систематических нарушениях советского права со стороны государства, поощряющего произвол чиновников и сотрудников карательных ведомств. Иными словами, он полагал, что проблема, порождающая этот произвол, заключается в том, что советское государство формулирует законодательство, адресуя его нормы гражданам, однако себя в лице государственных институтов видит исключительно законодательным авторитетом этих норм, а не субъектом советского права, наравне с гражданами и другими его субъектами. «Само государство представляет ценность лишь как правовой институт, охраняющий права, интересы и самую жизнь своих граждан и других жителей подвластной ему местности. Претендует же оно на власть, не связанную с этой его ролью, и этими несправедливыми претензиями оно естественно превращает своих честных граждан в своих же врагов» [Есенин-Вольпин 1999 b: 239].

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

Свою позицию по этому вопросу А. С. Есенин-Вольпин изложил в ряде работ, посвященных теоретическим вопросам нормативного обеспечения прав человека в СССР и правоприменительной практике в этой области, а также в кратком своде правил «Памятка для тех, кому предстоят допросы», распространявшихся в самиздате. В правозащитной деятельности Есенин-Вольпин неуклонно следовал этим принципам и выступал (в том числе и на митингах) с требованием уважать и защищать Советскую Конституцию. В 1972 г., после очередного принудительного психиатрического лечения, А. С. Есенин-Вольпин эмигрировал в США.

2. Логические идеи А. С. Есенина-Вольпина в контексте развития деонтической логики

А. С. Есенин-Вольпин является автором ряда фундаментальных работ в области математической логики, однако его труды по деонтической логике менее известны. Результаты исследований Есенина-Вольпина в области деонтической логики не вылились в создание какой-либо формальной теории и представляют собой содержательный анализ таких понятий, как «норма», «правило», «обязательство», «разрешение», «право» и т. п. логическими средствами на основе интуиционизма. Они изложены в двух его статьях «О теории модальностей» [Есенин-Вольпин 1999а] и «О логике нравственных наук» [Есенин-Вольпин 1999б], которые впервые были опубликованы в 1967 и в 1970 гг. соответственно, а повторно — в сборнике работ А. С. Есенин-Вольпина «Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека», вышедшем в 1999 г. к 75-летию автора [Есенин-Вольпин 1999с]. Статья «О логике нравственных наук» носит философско-публицистический характер. В небольшой статье «О теории модальностей» выдвинуты идеи классификации логических модальностей, в форме набросков-возражений, демонстрирующих проблемные точки конструирования модальных теорий, и обозначены границы, отделяющие такие теории от немодальных. В этой же работе сформулированы две ключевые идеи, которые, на наш взгляд, и составляют особенность подхода А. С. Есенин-Вольпина. Первая из них — идея упорядоченного семейства неодинаковых по своим логическим свойствам нормативных систем, или характеров-тактик, как он их называет. Вторая заключается в том, что семантика таких систем носит не истинностный, а выполнимостный характер, причем эта выполнимость связана с действиями агента.

Эти идеи и в целом направление в деонтической логике, избранное Есениным-Вольпиным, лежат в стороне от линии развития деонтической логики в СССР во второй половине XX в., и причин тому, по-видимому, две — теоретическая и политическая. Теоретическая причина состоит в том, что, с одной стороны, идеи деонтической логики Есенина-Вольпина не привели к созданию полноценного формализма, не было выдвинуто и внятной содержательной теории, способной стать философским основанием для аксиоматизации каких-либо нормативных связей или отношений. С другой стороны, идеи построения деонтической логики, сформулированные Есениным-Вольпиным, вполне определенно принадлежат иному направлению развития деонтической логики, нежели то, в русле которого деонтическая логика стала развиваться в СССР

сначала в трудах А. А. Ивина [Ивин 1971; Ивин 1973], а впоследствии и в работах других советских логиков [Лисанюк 2010]. Политическая причина — это правозащитная деятельность Есенина-Вольпина. Вследствие нее он на протяжении всей творчески продуктивной жизни находился в оппозиции к советской власти, что служило политическим препятствием тому, чтобы советские исследователи свободно знакомились с его идеями в области деонтической логики и беспрепятственно цитировали его статьи в своих работах, как это принято в академической жизни. К тому времени, когда политическая причина исчезла, деонтическая логика ушла далеко вперед по сравнению с 60–70-ми годами XX в., когда идеи А. С. Есенина-Вольпина впервые были опубликованы, поэтому сегодня их изучение представляет собой историко-логический проект, начало которому было положено в статье С. М. Кусковой [Кускова 2012]¹.

3. Логика в системе правоповедения

По мнению А. С. Есенина-Вольпина, логика является связующим звеном между этикой и юриспруденцией, так как краеугольным камнем и этики и права выступают не факты, но отношения, в том числе и имеющие нормативный статус, а логика может формализовать отношения любой природы [Есенин-Вольпин 1999b: 226–227]. Почему возможность формализации отношений так важна? Все дело в том, что только она способна продемонстрировать обоснованность и рациональную природу нормы, правила поведения или требования, а это, в свою очередь, является единственным фундаментом для того, чтобы считать их справедливыми. «Согласно ультраинтуиционизму (именно так Есенин-Вольпин называет свою программу), поскольку никакие естественнонаучные утверждения не являются абсолютными истинами, в обосновании научного знания понятие несомненности должно быть заменено понятием неоспоримости. Доказательством суждения является любой «честный прием», делающий это суждение неоспоримым» [Бродский 2000: 155].

Центральной задачей логического знания он считает развитие и распространение логики нравственных наук, под которым подразумевается просвещение в сфере этики и юриспруденции с помощью логических формализмов, что, по мнению А. С. Есенина-Вольпина, приведет к прогрессу общества в будущем, предотвратит беззаконие и существующие алогизмы. В связи с этим он обращает внимание на связь логики нравственных наук с проблемами оснований математики, потому что «при этом обнаруживается фундаментальная роль правил, возникает своеобразная логика правил — но ясно, что правила играют фундаментальную роль как в логике и математике, так и в этике и юриспруденции. Это и приводит к связи указанных разделов логики с основаниями математики, и связь эта углубляется тем, что важнейшие принципы **предпочтений, сличений** (т. е. отождествлений и различений) и актов внимания

---

¹ Идеи деонтической логики А. С. Есенина-Вольпина были известны Г. фон Вригту, Е. Булыгину и некоторым другим зарубежным исследователям, как выяснилось в ходе личного общения одного из авторов данной статьи с зарубежными исследователями.

(т. е. прослеживания связей и пренебрежений) должны в основаниях математики рассматриваться с такой общностью, которая не зависит от предмета математики и распространяется поэтому на любые науки, включая нравственные» [Есенин-Вольпин 1999b: 195]. Построение научной теории и морального рассуждения осуществляется по правилам, которые могут быть описаны модальными словами разных групп, поэтому логика правил является частью теории модальностей. Особенность теории модальностей в том, что с ее помощью можно выразить любое доказательство, которое рассматривается в аспектах бытия (необходимое, возможное), а также в аспектах действия (обязательно, разрешено, запрещено).

А. С. Есенин-Вольпин считает логику наукой о нормах правильности рассуждения, наукой о том, как избегать ошибок. В связи с этим в любой области человеческой деятельности, где риск ошибок считается недопустимым, употребление доказательности является необходимым условием. Всякое признание суждения истинным без доказательств он называет *верой*. Вера всегда связана с риском ошибки, поскольку она не дает четкого объяснения истины. Под истиной он советует понимать только результат доказательства, придерживаясь закона достаточного основания². Любой честный прием, который делает суждение неоспоримым, по мнению Есенина-Вольпина, сводится к доказательству суждения. Неотъемлемой частью доказательства является теория диспутов, где уточняется это основанное на доказательстве понятие неоспоримости. Строить такую теорию Есенин-Вольпин начинает также на интуиционистской основе и отмечает результаты П. Лоренцена в этой области. Честность, понимаемая в духе требования строго придерживаться правил доказательных процедур, является необходимым атрибутом в доказательном суждении и обеспечивает отсутствие насилия и обмана [Есенин-Вольпин 1999с: 178].

Цель любой науки, по мнению Есенина-Вольпина, — изгнание всякой веры, поэтому основное правило теории диспутов заключается в том, что каждый должен иметь полное право задавать вопрос «Почему?», разрушающий веру, так как для принятия суждения в качестве истинного необходимо доказательство. Право сомневаться в доказанных суждениях отличается от права критики и доказательств, поскольку доказательство дает скептику основание принять доказанное суждение, которым он может воспользоваться.

Понятие веры подразумевает предпочтения принятия суждений и отказа от этого, несмотря ни на какие доводы разума вне зависимости от наличия или отсутствия доказательств. Любая вера ограничивает свободу сомнений, а значит, ограничивает и свободу критики и свободу мысли вообще. Вера, как таковая, является важнейшим проявлением свободы и может иметь положительную ценность. Вместе с тем требование верить и принуждение к вере противоположны свободе, а мораль, основанная на вере, имеет смысл только для тех, кто следует этой вере; принуждения же к вере, равно как и обоснование морали посредством веры, ограничивают свободу мысли,

² Такое понимание истины является конструктивным и отличается от семантического теоретико-модельного понимания истины в духе А. Тарского.

что является, по мнению Есенина-Вольпина, безнравственным. «Основы же нравственных наук желательно найти в разумно обоснованной логике именно для того, чтобы всегда можно было требовать полноценного объяснения любых предлагаемых этими науками доктрин и мотивов их принятия». При этом, однако, он желал бы «избежать упрека в попытках насаждать слишком прямолинейный, не замечающий своей ограниченности рационализм» [Есенин-Вольпин 1999b: 194].

4. Протологика и ее основные понятия

С. Кускова справедливо отмечает, что, конструируя свою деонтическую логику, А. С. Есенин-Вольпин «не строит аксиоматическую модальную систему, а формулирует прототеорию, лежащую в основе нормальных модальных систем. Она составляет фундамент нравственных наук» [Кускова 2010: 70]. Идеи деонтической логики А. С. Есенина-Вольпина носят содержательный характер, тогда как формальная теория должна описывать базовые логические свойства обязательств, позволений и запретов применительно к тому, каким образом они призваны регулировать поведение людей. Отсутствие аксиоматизации в прототеории деонтической логики объясняется тем, что отношения между нормами носят социальный, а не логический характер. Говоря о запретах и позволениях, часто используют логическую терминологию, например, «эти нормы противоречат друг другу», «этот запрет следует из закона», «данное действие несовместимо с нормой закона», однако это не более чем фигура речи, и никаких логических отношений между нормами нет. Нормы не являются высказываниями в логическом смысле, они не могут быть истинными или ложными, поэтому они, строго говоря, не могут выступать в роли аксиом или правил вывода. В этом отношении позиция А. С. Есенина-Вольпина отражает известную дилемму Йоргенсена, сформулированную в середине XX в. Суть ее заключается в том, что элементами логической теории могут служить только пропозиции — высказывания, которым можно приписать логические значения, т. е. такие, которые могут быть истинными или ложными. Высказывания, выражающие обязательства, дозволения, предписания или правила, или высказывания-нормы, — другого сорта, их можно исполнить, нарушить, им можно подчиниться, но им нельзя приписать логическое значение в том же смысле, что и пропозициям. Поэтому если и существует логическая теория норм, в чем многие исследователи сомневаются, то это логика иного сорта, нежели логика высказываний [фон Вригт 1986; Альчуррон-Булыгин 2013].

Поднятый дилеммой Йоргенсена вопрос о том, как возможна логика норм и возможна ли она вообще, играл заметную роль в развитии деонтической логики в середине XX в. Разграничение между нормами и нормативными высказываниями позволило строить отдельные логические теории для норм и для нормативных высказываний [Альчуррон, Булыгин 2013]. В конце XX в. нормативные высказывания как предложения о существовании норм — это одна из форм логического моделирования правоприменения и поведения людей в условиях нормативных ограничений. На современном этапе собственно нормы принято считать атомарными элементами

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

нормативных систем, при помощи которых можно исследовать разного рода кодексы, взятые сами по себе [Lisanyuk 2014]. Логика нравственных наук Есенина-Вольпина относится к первому из этих направлений и претендует на исследование поведения рациональных агентов в условиях нормативных ограничений.

Другим важным разграничением в деонтической логике середины XX в. была дистинкция между действием и ситуацией как содержаниями норм. В первом случае норма *Op* понималась как «обязательно выполнить *p*», а во втором — как «обязательно поступить так, чтобы наступило *p*». Соответственно в первом случае деонтическая логика становится разновидностью логики действий, а во втором — модальной логики.

Отличие между нормами и нормативными предложениями Есенин-Вольпин преодолевает в два этапа. Во-первых, при помощи разграничения между собственно наборами норм — тактиками, или характерами, определенного ранга, и правилами — суждениями о наличии таких-то и таких-то правил в конкретных ситуациях. Во-вторых, конкретные ситуации, обуславливающие действительность норм, подразумевают относительный характер последних, что также служит цели преодоления указанного отличия. Всякое правило как аналог нормы есть модальное указание, имеющее силу лишь относительно определенной ситуации — обстановки, порождаемой непустым множеством предложений. Предложения вида $O_s A$, $P_s A$ и т. п. выражают требования, дозволения и иные нормативные статусы поступков, они не могут быть ни истинными, ни ложными. В отличие от них предложения вида $O_s^\mu A$, $P_s^\mu A$ и т. п. могут иметь логические значения. Предложения, относящиеся ко второй группе, указывают на то, что в некоем методе μ — так Есенин-Вольпин называет различные нормативные системы, выражающее кодексы норм, регламенты или своды правил — имеется соответствующее требование, дозволение и т. п. [Есенин-Вольпин 1999b: 172]. Иными словами, предложения вида $O_s^\mu A$, $P_s^\mu A$ — это нормативные предложения, которые можно прочесть как «В методе μ имеется обязательство $O_s A$ » или «Дозволение $P_s A$ принадлежит методу μ ».

Второе разграничение не играет существенной роли в его «протологике», потому что модальные операторы хотя и вводятся относительно пропозиционально трактуемой обстановки, но относятся к действиям людей, а не к положениям дел. Иными словами, если на пропозициональном уровне речь может идти о высказываниях, описывающих факты, то на уровне норм, или правил, как он их называет, имеются в виду только действия [Есенин-Вольпин 1999b: 203].

В деонтической «протологике» Есенина-Вольпина имеются своего рода два уровня: уровень формальной системы и метаяровень, на котором совокупность формальных систем приобретает контуры множества. Относительно первого уровня он ограничивается рядом набросков по созданию формальной теории норм, демонстрирующей преимущество ультраинтуитивистских (удуистских) оснований перед стандартными подходами — Есенин-Вольпин называет их традиционными³ — в деле

³ Неясно, какие именно концепции модальной или деонтической логики А. С. Есенин-Вольпин называет традиционными, так как в его работе «О теории модальностей» нет ссылок ни на какие статьи.

создания модальной логики. наброски, относящиеся к первому уровню, носят критический характер и представляют собой возражения, они будут рассмотрены ниже.

Деонтическая система должна содержать всего два вида норм, или правил, — это уже упоминавшиеся выше предложения вида $O_s A$, $P_s A$. Множество таких предложений, выражающее определенный свод норм, или систему правил, Есенин-Вольпин называет характером, или тактикой ($V — W$). Описание характера, или тактики, посредством некоторого языка дает метод — нечто вроде формальной нормативной системы. Под характером (тактикой) Есенин-Вольпин понимает разнообразные нормы поведения, предназначенные для того, чтобы регулировать поступки субъекта в различных ситуациях. Характер нормы, т.е. тактика, к которой она принадлежит, указывает не только на некое правило поведения, адресованное субъекту нормы, но также определяет «уровень», или ранг данной тактики — своеобразной нормативной системы в иерархии имеющихся нормативных систем, выражаемой при помощи нумерации тактик: $0 \leq (V — W) \leq N$. «Следовать в ситуации S характеру или тактике V ранга 0 это значит выполнить в условиях S хотя бы одно из предписаний этого набора, не нарушив при этом ни одного из предписаний... причем следовать этому характеру ранга $n+1$ значит следовать ему как характеру ранга $\leq n$, и, выполнив предписание только что указанного вида (вида $O_s A$. — *Е. Л.*), следовать характеру, выбранному посредством A в каждой ситуации, более поздней, чем S » [Есенин-Вольпин 1999b: 171]. Иными словами, всякая тактика определенного ранга включает в себя также действия агента, направленные на выбор данной тактики.

Понятие характера, или тактики ранга $m > n$, как некоторого набора норм, занимающего определенное место в иерархии подобных наборов, явным образом указывает на то, что Есенин-Вольпин в своей деонтической теории склоняется, скорее, к агентно-ориентированному подходу. Такой подход противоположен объектно-ориентированному, или стандартному подходу фон Вригта в деонтической логике, в русле которого лежат деонтические формализмы А. А. Ивина, одного из пионеров деонтической логики в СССР [Ивин 1971; Ивин 1973].

5. А. С. Есенин-Вольпин и становление деонтической логики в СССР

Первая в СССР публикация в области деонтической логики принадлежит учителю А. А. Ивина А. А. Зиновьеву, одному из основоположников исследований логики в советской науке [Зиновьев 1958], а впоследствии также и видному диссиденту и политическому деятелю. В 1958 г. в журнале «Вопросы философии» он опубликовал небольшую рецензию на книгу О. Вайнбергера «Проблематика высказываний долженствования в современной логике», вышедшую на немецком языке в Чехословакии в этом же году. В этой же рецензии Зиновьев рассматривает результаты, полученные польским логиком К. Калиновским, который выступил с идеей относительной деонтической логики. Обсуждая выводы Калиновского и Вайнбергера, Зиновьев заключает, что хотя установить истинностные значения для норм — предложений невозможно, и это, на первый взгляд, препятствует построению полноценной логической теории

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

норм, тем не менее это обстоятельство не является проблемой на пути построения деонтической логики. Он полагал, что с «философской точки зрения проблема установления координации нормативных предложений и высказываний есть путь внесения характера отношения нормативных предложений к действительности» [Зиновьев 1958: 157].

Продолжая идеи своего учителя А. А. Зиновьева, А. А. Ивин в своей книге «Логика норм» — первой отечественной фундаментальной работе в области деонтической логики, построил ряд абсолютных и относительных пропозициональных деонтических систем в русле подхода Г. фон Вригта. Этот подход часто называют линией Лейбница в деонтической логике, указывая на свойственное этому подходу объективистское понимание норм, похожее на то, каким образом интерпретируются алетические модальности. Одно из критических замечаний Есенина-Вольпина в адрес традиционных модальных теорий как раз и состоит в том, чтобы отвергнуть идею построения деонтических формализмов по аналогии с алетическими. Таковы его возражения (3), (4) и (5). Возражение (3) состоит в том, что в противовес алетическим модальностям, характеризующим положения дел, он намерен развивать формальные теории деонтических или целевых модальностей, которые «неизбежны при формулировке правил... и нужны как для выражения смысловых связей между словами и понятиями в любом тексте, так и для выявления роли используемых в нем отождествлений и различий и для определения требуемой степени точности (в частности — точности выражений)» [Есенин-Вольпин 1999а: 166]. Согласно объективистскому пониманию, норма есть наделенное особым модальным статусом положение дел или действие, причем этот статус может быть установлен безусловным образом, наподобие оценки, или относительно какого-либо другого положения дел, действия или агента. В первом случае речь идет об абсолютной норме, а во втором — об относительной, однако и в том и в другом случае центральным аспектом нормы выступает некая ситуация или влекущее ее действие, которому приписывается объективный характер по отношению к субъекту нормы — агенту, которому она адресована и который призван ее реализовать. В отличие от этого ключевым аспектом нормы в понимании А. С. Есенина-Вольпина являются агент и его поведение, применительно к которому нормы играют определенную роль, конститутивную или регулятивную, в зависимости от того, о каких нормах идет речь. В определенном смысле А. С. Есенин-Вольпин в своей деонтической логике следует не линии Лейбница — фон Вригта, приверженцами которой были его современники и соотечественники А. А. Зиновьев и А. А. Ивин, но противоположной ей линии И. Бентама. Особенность последней заключается в том, что в центре логической теории норм находится модальное отношение, устанавливаемое между агентами по поводу их действий, ситуаций, возникающих вследствие их реализации, а также между статусами агентов в связи с их действиями. Такой подход ставит во главу угла агента и совокупность отношений, определяющих его поведение. Вследствие этого в зависимости от того, как трактуются эти отношения в рамках конкретного формализма, он открывает возможность для создания как объективистских логических теорий в русле линии Лейбница, базирующихся на принципах детерминизма, так и для

построения агентно-ориентированных теорий, конструируемых, в частности, при помощи ветвящихся структур, или stit-формализмов.

Возражение (4) отклоняет использование двух базовых модальных постулатов:

$$Mp \supset NMp,$$

$$Mp \supset NMp.$$

В известном смысле эти постулаты можно рассматривать как метапринципы упорядочивания модальных логик относительно друг друга. Тем самым Есенин-Вольпин решительно порывает с алетико-деонтической аналогией. Правда, вопрос о том, каким образом выражать отношения порядка между нормативными системами — тактиками разных рангов, он оставляет без обсуждения, ограничиваясь содержательным указанием на выбор субъектом поступка соответствующей тактики. Отметим, что подобное соображение лежит и в основании идей развития stit-формализмов в деонтической логике.

Возражение (5) требует, чтобы деонтическая теория модальностей носила непременно относительный характер и нормы в ней, или правила поведения, были связаны с определенными ситуациями. Это свидетельствует о том, что если Есенин-Вольпин и был знаком с идеями пионера деонтической логики фон Вригта, то лишь с его статьями, написанными в 50-х годах XX в., посвященными исключительно абсолютным деонтическим модальностям. Формализмы с относительными модальностями фон Вригт выдвинул в 60-х годах, чтобы преодолеть парадоксы абсолютных деонтических систем. По-видимому, с этими результатами А. С. Есенина-Вольпин был незнаком.

Центральными возражениями А. С. Есенина-Вольпина против традиционных модальных теорий являются, на наш взгляд, (1) теория об аксиоматическом методе и (2) теория о роли гипотезы потенциальной осуществимости в деле создания формализмов. Возражение (1) есть не что иное, как попытка отказаться от операции взятия логических следствий как единственно возможного способа упорядочивания формализмов и получения новых предложений — теорем из уже имеющихся — аксиом и ранее полученных теорем. Это возражение заключается в том, что от применения аксиоматического метода следует если и не отказаться вовсе, то, по крайней мере, решительно его ограничить. Согласно этому методу «если аксиомы вывода сохраняют истинность, то и каждая теорема должна быть истинна (*принцип локальности для доказательств*). Очевидно, что этот принцип основан на индукции от n к $n+1$, но в то же время анализ предполагаемого обоснования этой индукции показывает, что оно использует тот же принцип. Этот порочный круг показывает неудовлетворительность аксиоматического метода вообще — хотя и не исключена возможность того, что в отдельных случаях имеется выход из круга» [Есенин-Вольпин 1999b: 166]. Применительно к деонтическим формализмам это возражение можно трактовать в таком смысле, что для тактик разных рангов, т. е. в привычной терминологии — нормативных систем, упорядоченных в некоторую иерархию, операция порождения новых истинных предложений, принадлежащих им, и упорядочивания имеющихся может быть неодинаковой. В начале XXI в. среди логиков, в том числе и деонтических, а также

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

среди философов найдется немало сторонников этой идеи, ведущей к отказу от единого и универсального понимания отношения логического следования, хотя многие исследователи и сегодня считают ее сомнительной. В середине же XX в. подобные соображения звучали совершенно необычно.

В контексте исследования деонтического учения А. С. Есенина-Вольпина отметим, что хотя и он, и А. А. Зиновьев, оба были известными советскими диссидентами, базовые теоретические принципы, на которых каждый из них выстраивал свою правозащитную деятельность, противоположны. Вполне в духе своей объективистской трактовки норм А. А. Зиновьев выступал с резкой критикой советского строя и не принимал норм советского законодательства в качестве права вообще, считая их несправедливыми или абсурдными. В самом знаменитом его романе «Зияющие высоты» советский государственный строй предстает как «вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений» [Зиновьев 1976]. А. С. Есенин-Вольпин, напротив, считал, что причиной несправедливости и беззакония в советской жизни являются бесправие граждан и произвол чиновничества, причем причиной этого бесправия граждан служит именно нарушающий советское законодательство произвол чиновничества, но не абсурдность законов или их несправедливость, как полагал А. А. Зиновьев. В определенном смысле А. С. Есенин-Вольпин следовал своей теоретической позиции в области деонтической логики, согласно которой норма права — это особое отношение между агентами или между агентом и иерархией нормативных систем. Это отношение не симметрично и трактовать его в духе принципа равноправия было бы неверно. Придерживаться норм права в равной степени обязательно не только для граждан, но и для государства, выступающего субъектом права, как и всякий советский гражданин, что, однако, не означает, что для граждан, всех и каждого, и для институтов эти нормы одинаковы. «Принципы равенства перед законом, или равноправия, составляют не сущность справедливости, а только важную особенность ее проявлений в наш век. Большую опасность для справедливости представляет всякое предоставление одним людям власти над другими или таких преимуществ, которые дают возможность фактически осуществлять власть и другими способами подавлять справедливость. В борьбе с этой опасностью и было предложено средство, состоящее в уравнивании людей в их правах и экономических возможностях... Что сказать о равноправии главнокомандующего и рядового солдата? Перед законом они равны, но лишь в том смысле, что **каждый**, будучи главнокомандующим, имеет такие-то права и обязанности, а будучи солдатом — такие-то» [Есенин-Вольпин 1999b: 226].

6. Удалось ли А. С. Есенину-Вольпину построить деонтическую логику?

Возможно ли построить формальную реконструкцию идей деонтической логики А. С. Есенина-Вольпина? Вряд ли. В статьях А. С. Есенина-Вольпина изложена своеобразная деонтическая «протологика», но конкретных формализмов нет, поэтому здесь

мы ограничимся указанием на тенденции и результаты в современной деонтической логике, которым созвучны идеи А. С. Есенина-Вольпина. Его соображения о тактиках, или характерах — своеобразных нормативных системах, упорядоченных в некоторую иерархию сообразно рангам, можно трактовать как идею упорядоченного множества деонтических систем, обладающих неодинаковыми логическими свойствами. В этой части рассуждения Есенина-Вольпина близки теоретико-множественному подходу к логике норм, выдвинутому К. Альчурроном и Е. Булыгиным [Альчуррон, Булыгин 2013]. В соответствии с их подходом существуют два типа логических теорий норм.

Первый тип — это логика норм, или логическая теория нормативных систем, в которой нормы выступают атомарными элементами нормативных систем, трактуемых в теоретико-множественном ключе, а чисто синтаксическая операция взятия логических следствий служит единственным способом упорядочивания элементов системы и корректного порождения в ней новых элементов. Ключевое отличие «протологики» Есенина-Вольпина от теории нормативных систем К. Альчуррона — Е. Булыгина состоит в том, что, в соответствии с его возражением (1), логические свойства нормативных систем неодинаковы. Такое отличие следует из его возражения (1), отклоняющего тотальность аксиоматического метода, приверженность которому демонстрируют К. Альчуррон и Е. Булыгин в своей книге.

Второй тип — это собственно деонтическая логика, исследующая логические свойства модальных предложений, выражающих обязательства, запреты и позволения. В этой части идея Есенина-Вольпина об избрании агентом определенной тактики путем выполнения предписаний, принадлежащих ей, близка индетерминистским подходам в деонтической логике действий. Принцип упорядочивания данных тактик сводится к элефтерической морали [Есенин-Вольпин 1999b: 222–224], а она, в свою очередь, заключается в свободе воли агента, совершающего поступки согласно предписаниям тактик соответствующих рангов, а также в необходимости обосновывать свои поступки рациональным образом. Эти два постулата элефтерической морали — свобода воли и необходимость рационального обоснования выбора — свидетельствуют в пользу агент-ориентированного индетерминистского характера его деонтической «протологики» и напоминают индетерминистские деонтические формализмы, предложенные Дж. Хорти [Horty 2001].

Предложенная Б. Челласом и значительно усовершенствованная Н. Белнапом, а также Д. Хорти и др. идея *stit*-графов, или *stit*-структур, стала существенным вкладом в деонтическую логику действий. Эта идея позволяет моделировать действия рационального агента в условиях существования альтернативных линий поведения, а также наличия ограничений на их избрание, накладываемых нормами, от природы происхождения которых, равно как и от их принадлежности какой-либо определенной системе норм (морали, права), можно абстрагироваться.

Изложим кратко основные положения деонтической логики действий с использованием *stit*-графов. Перед агентом a , планирующим свой поступок p , имеется конечный выбор ситуаций — историй h , в которых гарантированно непустым является множество оптимальных действий — $\{p_1, p_2, \dots, p_k\} \in \Pi$, доступных агенту a в некото-

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

рый момент времени t_j . Структура ветвящихся в будущее историй выражается при помощи stit-графа $\langle \text{Tree}, \langle \rangle \rangle$, где Tree — это непустое множество моментов времени $\{t_1, t_2, \dots, t_j\}$ и $\langle \rangle$ — отношение транзитивного, несимметричного и нерезлексивного порядка, являющегося результатом избрания агентом соответствующей линии поведения. Максимальное развитие возможных моментов времени, принадлежащих данному графу, называется историей. Основная идея применения stit-графа состоит в том, чтобы моделировать индетерминистские аспекты поведения людей — принятие решений, планирование поступков и т. п. Главной семантической особенностью stit-графов является тот факт, что означивание формул, описывающих действия агентов, находится не только в зависимости от других формул, логическое значение которых уже установлено и с которыми данная формула находится в дедуктивных отношениях, как это обстоит в стандартных деонтических логиках. Означивание таких формул зависит также и от выбора, совершенного агентом, поскольку установить логическое значение формулы на stit-графе можно лишь относительно некоторой истории, а истории есть результат выборов и действий агента. Анализ при помощи stit-графов базируется на индетерминистском понимании действия и идейно восходит к ветвящимся структурам времени А. Прайора. Главное отличие деонтической логики, выстраиваемой при помощи stit-структур, от стандартной деонтической логики заключается в том, что в первом случае считается, что выполнение норм зависит от выбора агента в условиях неопределенности, тогда как во втором действия агента трактуются детерминистски и подразумевается, что агент всегда выполняет адресованные ему нормы.

Индекс t/h в stit-структуре означает ячейку выбора t , принадлежащую истории h , ведущую к реализации действия p , что гарантирует истинность описания ситуации p в данной истории h , к которой принадлежит ячейка выбора t/h . Действие p также может быть следствием из многообразных выборов агента среди доступных ему линий поведения — других историй, но если имеется норма, предписывающая p , p получает значение «истинно» в каждой из них, хотя, быть может, и за различное количество действий.

При помощи stit-графов Д. Хорти сумел исследовать деонтическую логику действий посредством модели агентной системы на базе ветвящегося времени в рамках теории индетерминизма. Этот подход созвучен с идеями Есенина-Вольпина о том, что модальности, с одной стороны, относятся к той или иной обстановке и выражают определенные правила, адресованные агенту, но, с другой стороны, модальности выступают элементами особых формализмов — тактик определенного ранга, или своего рода нормативных систем. Модальности применяются к суждениям или предложениям, обозначающим поступки или события, а закономерность развития событий является результатом рационального выбора, в момент совершения которого агент выполняет предписания определенной тактики и тем самым берет на себя обязательства, относящиеся к ней⁴.

---

⁴ Автор выражает признательность А. Родину за ценные замечания, способствовавшие уточнению первоначальной версии статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Альчуррон-Булыгин 2013 — *Альчуррон К., Булыгин Е.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк; составл., пер. с англ., нем., исп., предисл. в соавт. с М. В. Антоновым. СПб., 2013. С. 49–251.
- Бродский 2000 — *Бродский А. И.* Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму // *Этическая мысль.* 2000. Вып. 1. С. 148–158.
- Булыгин 2011 — *Булыгин Е. В.* Разрешающие нормы и нормативные системы / пер. А. Е. Гомановой, Е. Н. Лисанюк // *Российский ежегодник теории права.* 2010. № 3. С. 437–449.
- Фон Вригт 1986 — *Вригт Г. фон.* Нормы, истина, логика // Вригт Г. фон. *Логико-философские исследования: избр. труды* / пер. с англ., общ. ред. Г. И. Рузавина, А. В. Смирнова. М., 1986. С. 290–411.
- Есенин-Вольпин 1996 — *Есенин-Вольпин А. С.* Об антитрадиционной (ультраинтуиционистской) программе оснований математики и естественнонаучном мышлении // *Вопросы философии.* 1996. № 8. С. 100–136.
- Есенин-Вольпин 1999а — *Есенин-Вольпин А. С.* О теории модальностей // *Логика и методология науки: 4-й всесоюзный симпозиум.* Киев, 1965 / отв. ред. М. Э. Омеляновский. М., 1967. 339 с. (переизд. — *Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека* / сост. А. Ю. Даниэль и др. М., 1999. С. 178–192).
- Есенин-Вольпин 1999б — *Есенин-Вольпин А. С.* О логике нравственных наук // *Общественные проблемы: Самиздат-журнал* / под ред. В. Чалидзе. 1971. № 12 (переизд. — *Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека* / сост. А. Ю. Даниэль и др. М., 1999. С. 193–230).
- Есенин-Вольпин 1999с — *Есенин-Вольпин А. С.* О теории диспутов и логике доверия // *Есенин-Вольпин А. С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека* / сост. А. Ю. Даниэль и др. М., 1999. С. 178–192.
- Зиновьев 1958 — *Зиновьев А. А.* О логике нормативных предложений // *Вопросы философии.* 1958. № 11. С. 156–161.
- Зиновьев 1976 — *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/textheights.pdf> (дата обращения: 15.02.2014).
- Ивин 1973 — *Ивин А. А.* Логика норм. М., 1973. 112 с.
- Ивин 1971 — *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1971. 230 с.
- Ковалевич, Лисанюк 2012 — *Ковалевич О. С., Лисанюк Е. Н.* К вопросу о роли позволений в логике норм и философии права // *Логико-философские штудии.* 2012. Вып. 10. С. 135–145.
- Кускова 2011 — *Кускова С. М.* Теория модальностей А. С. Есенина-Вольпина // *Логико-философские штудии.* 2011. Вып. 10. С. 68–78.
- Лисанюк 2010 — *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // *Вестн. Новосибирск. ун-та.* 2010. Т. 8, вып. 1. С. 147–152.
- Лисанюк 2014 — *Лисанюк Е. Н.* Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике // *Известия УрФУ.* Сер. 3. 2014. Т. 1 (125). С. 32–44.
- Horty 2001 — *Horty John F.* *Agency and Deontic Logic.* Oxford, 2001. 206 p.
- Lisanyuk 2014 — *Lisanyuk E.* Three faces of deontic logic in law // *Simposio Intenacional de Filosofia del Derecho «Racionalidad en el Derecho».* 5–7 Mayo 2014. Buenos Aires, 2014. P. 205–221.